

*Говорова А.,
Сергеева М.*
(Российская Федерация)

ГУМИЛЁВ И ОДОЕВЦЕВА В ПЕТЕРБУРГЕ (ПО МАРШРУТАМ ИЗ КНИГИ И. ОДОЕВЦЕВОЙ «НА БЕРЕГАХ НЕВЫ»)

В статье подается «сценарий» одной из экскурсий для горожан по книге И. Одоевцевой «На берегах Невы».

Ключевые слова: экскурсия, Николай Гумилёв, Ирина Одоевцева.

Постановка проблемы. Замысел этот экскурсии родился около пяти лет назад при работе над сценарием мультфильма по эпизоду из книги «На берегах Невы». Во время работы над мультфильмом мы поняли, что важно понять, в каком пространстве происходили истории из книги. Реальное пространство города таит подсказки к пониманию многих эпизодов. Мы сделали карту всех маршрутов книги, затем приехали в Санкт-Петербург и попробовали погулять по этим маршрутам. Благодаря этим прогулкам, а также знакомству и общению с сотрудниками музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме, благодаря постепенному погружению в материал точки на карте начали связываться в некую логику. Когда мы немного освоились в этом пространстве, появилось стремление рассказать о том, что мы поняли и узнали. Так в 2011 году возникла первая экскурсия для жителей Санкт-Петербурга. С тех пор были еще две экскурсии для горожан и еще одна особенная – для детей из детского дома города Кадников (Вологодская область). Со временем наше представление об этой книге, о поэтах Серебряного века, о городе менялось, менялась и экскурсия (довольно значительно) – на первый план выходили разные темы, по-иному расставлялись акценты, появлялись и исчезали новые точки маршрута. Но кое-что было и неизменным. Представленная ниже работа – «сценарий» одной из экскурсий. Это лишь каркас, чтобы при задумывании будущих экскурсий можно было от чего-то оттолкнуться.

Изложение основного материала. Важно сохранять пространство вокруг себя, оберегать его, в том числе и пространство города. Без нас оно не выживет, не сможет сохранить то, что в нем заложено. Иногда недостаточно защи-

щать его только физически, хотя это, безусловно, важно. Нужно стремиться защитить его и на другом, нематериальном уровне, сохранив в памяти людей с помощью творчества. Экскурсии – хороший способ такой защиты. Разговаривая с людьми, показывая им, где и что происходило, можно создать как бы второй, невидимый город, лежащий одновременно и тут, рядом (его можно потрогать), и в некоем параллельном мире – мире культуры.

Ирина Одоевцева стала для нас проводником в мир Гумилёва. Через Одоевцеву и ее воспоминания мы можем понять его. Задача этой экскурсии – проявить скрытую в пространстве города память о Гумилёве и людях Серебряного века. Книга «На берегах Невы» Ирины Одоевцевой – воспоминания о поэтах Серебряного века, с которыми она общалась и дружила. Ирина Владимировна всё описывает невероятно живо. Настолько, что в какой-то момент забываешь, что читаешь книгу. В голове возникает бесконечное количество живых образов людей и пространств, в которых они находятся. Книга – своеобразный портал в Серебряный век. Николай Гумилёв стал для Одоевцевой основным проводником в мир поэзии и культуры, а Ирина Владимировна, в свою очередь, может открыть для нас мир Гумилёва. Благодаря ее воспоминаниям, мы можем приблизиться к пониманию – кем был Николай Гумилёв?

В книге много диалогов – точных цитат. Мы задумались: как Одоевцевой удалось всё так подробно вспомнить и отобразить? Мы поняли, что её талант – это умение любить тех, кто находится рядом с ней. Сама Одоевцева пишет: «Я любила их. Но ведь любовь помогает узнать человека до конца – и внешне, и внутренне. Увидеть в нем то, чего не могут разглядеть равнодушные, безучастные глаза [1, с. 8].

Благодаря своей любви она могла в подробностях запомнить каждого человека. Эта книга – жест благодарности поэтам.

Про некоторые такие места уже мало кто знает. Например, про Дом Литераторов, в котором происходили многие важные для поэтов события. Сейчас там находятся разные фирмы, нет даже таблички, которая бы напоминала нам о том, что было когда-то. И это проблема. Поэтому мы считаем важным рассказать об этих местах – чтобы сохранялась память о людях Серебряного века.

Каким будет наш маршрут? Сначала мы пойдём на Моховую улицу, к дому 33-35, где был Институт Живого Слова, и к дому 36 – бывшему издательству «Всемирная Литература». Дальше мы поднимемся вверх, к Преображенскому собору, потом спустимся по улице Короленко к улице Некрасова и, мимо Дома Литераторов, дойдем до дома 60, где жила Ирина Одоевцева. Потом пойдём к концертному залу, на месте которого когда-то была Греческая церковь. И закончим наш путь на улице Радищева, где находится дом Гумилёва.

Мы начинаем экскурсию из дома Анны Ахматовой. Ирина Владимировна, скорее всего, здесь не бывала, но Ахматовой посвящены важные страницы книги, в том числе и «мистические» – эпизодом прощания с Ахматовой и Артуром Лурье заканчивается книга, во время ночной прогулки они беседуют об уже расстрелянном Гумилёве, и уже на пороге своего дома Одоевцева видит, что в ночь удаляются не две, а три фигуры, в одной из которых она узнает тень Гумилёва.

Есть и еще одна важная параллель. На гербе, который украшал Фонтанный дом, был написан девиз рода Шереметевых «Бог сохраняет всё». Эти слова были любимы Ахматовой, она взяла их эпиграфом к «Поэме без героя». Затем ту же мысль повторил Бродский в стихотворении «На столетие Анны Ахматовой».

Институт Живого Слова (ул. Моховая, д. 33-35). Институт Живого Слова находился тут с 1918 по 1921 год. Это было место, в котором люди могли изучать то, что они хотят – поэзию, актерское мастерство и пр. Директором Института был Всеволод Всеволодский. Одоевцева в своей книге описывает это место как фантастическое и очаровательное. Там была свобода для людей творчества.

Всеволодский заражал всех своим энтузиазмом. Он пытался донести до всех значение театра и актерского мастерства. Зачем это все было нужно? Он хотел спасти и преобразить театр. Большинство «живословцев» хотели быть акте-

рами, но находились и те, кто стремился стать поэтом или писателем. Потом «Живое слово» переехало в Павловский институт.

Если говорить про Гумилёва, в этом доме случилась их первая встреча с Одоевцевой. Ирина Одоевцева вообще не мыслила свою жизнь без поэзии, поэтому поступила в Живое Слово. И вот однажды она услышала, что будет лекция Гумилёва. О нем она почти ничего не знала – только то, что он был мужем Анны Ахматовой. И всё. И стихов его тоже не читала. Более того, до этого дня она не видела ни одного настоящего поэта.

Она пришла на лекцию за час до начала, сидела, ждала – час, другой. Люди уже начали с ропотом расходиться. Но она дождалась. И вот явился Гумилёв. Она говорит, что он именно «явился» [1, с. 13], а не просто вошёл. Он был совсем не похож на поэта, такого, как она себе его представляла. Гумилёв был очень высокий, длинный и худой. В огромной дохе, в оленьей шапке (была зима). Он вышел, сел за стол и начал читать лекцию. Одоевцева даже не слышала, что он говорил, потому что была в состоянии, близком к шоку, она была даже немного разочарована. Гумилёв говорил с аудиторией надменно, что напугало Ирину Владимировну. В конце лекции, сидя за столом, он вытянул вперед ногу и невольно продемонстрировал зрителям большую дырку на подошве ботинка. Это совсем смутило юную поэтессу, и та решила, что вот это-то уж совсем наглость.

(В это время показываем участникам экскурсии большой коллаж – иллюстрацию описываемого эпизода)

Только через некоторое время, когда Гумилёв уже называл ее своей ученицей, мэтр признался, что в тот день жутко перенервничал, ведь это была его первая лекция в жизни, и он безумно боялся на неё идти. Он пришел задолго до начала, но ходил вот по этой улице взад и вперед несколько часов, не решаясь зайти. Потом он безумно боялся сказать что-то не то, боялся ошибиться, сесть мимо стула, из-за чего, как раз, и выглядел высокомерно. Во время своей лекции Гумилёв не находил себе места и в какой-то момент неудачно вытянул ногу, а ногу заклинило.

Даже несмотря на такое первое впечатление, Одоевцева продолжила ходить на его занятия. Однажды Николай Гумилёв объявил, что на одной из лекций будет разбор стихотворений молодых поэтов. Одоевцева считалась в Институте Живого Слова одной из лучших поэтесс. У нее было много поклонников, поклонниц, многие её любили. Она хотела взять самое лучшее своё стихотворение

для разбора и выбрала «Мирамарские таверны», так как считала, что Гумилёва любителем экзотики.

Мирамарские таверны,
Где гитаны пляшут по ночам... <...>
Воздух душен и пьянящ.

Я надену черное сомбреро, Я накину красный плащ...

Одоевцева попросила кого-то из друзей написать своим красивым почерком её строки и положить листок со стихотворением на стопку других – первым. А сама села в зале самой последней с краю, чтобы было легче выходить на сцену, когда он ее позовет. Она думала, что это стихотворение произведет фурор.

Начался разбор. Всё пошло не по идеальному плану, который она уже составила в своей голове. Разбор начался не вовремя, поэтому успели разобрать только два стихотворения, в том числе и Одоевцевой. Гумилёв заметил, что красивый почерк, которым написано стихотворение, не подходит настоящему поэту. На этом его колкие шутки не прекратились.

« – Так! Подражание «Желанию быть испанцем» Козьмы Пруткова: «Тореадор, скорей, скорее в бой! Там ждет тебя любовь!» До чего красиво! До чего картинно! Я надену черное сомбреро, Я накину красный плащ... – по-моему, сомбреро и плащ одно и то же, но, может быть, автор настоящий испанец и лучше знает?» [1, с. 26].

В зале поднялся предательский смех. Как ей казалось, её окружали одни враги. Она очень расстроилась, убежала и не хотела больше ходить в Живое Слово. Но потом, через какое-то время, Гумилёв всё-таки уговорил Одоевцеву ходить на его занятия. Он стал её учителем в поэзии. Они вместе ходили на встречи литераторов, он познакомил ее с разными поэтами. В этом доме как раз и проходили многие из этих встреч.

Издательство «Всемирная литература» (ул. Моховая, д. 36). Это было страшное время, но люди все равно не сдавались: писали стихи, рисовали картины – творчество жило, благодаря тому, что были места, которые могли сохранить жизнь этим людям. Одним из таких мест было издательство «Всемирная литература». Оно было организовано по инициативе Максима Горького, и сам он формулировал для его создания две цели. Одна была связана с тем, чтобы разобраться, как влияет на мир и людей литература разных стран. И вторая – издание новых переводов зарубежных книг. Кроме этих целей у места была еще одна – более важная и глубокая.

В это сложное послереволюционное время, когда вокруг были разруха, голод и холод, особенно тяжело было поэтам, работа которых оказалась почти не востребована, т.е. они почти не могли зарабатывать на жизнь своим профессиональным трудом. Были необходимы места, где они могли бы не только творить, обмениваться друг с другом мыслями и своими произведениями, но где бы они смогли заработать. И «Всемирная литература» была одним из таких мест. Находясь возле этого дома, изучая его историю и истории людей, которые с ним связаны, мы можем лучше понять поэтов и обстоятельства их жизни в то время, будто встретиться с ними. Для Ирины Одоевцевой здесь тоже произошла одна из важных встреч.

Это была встреча с Блоком, которого она очень почитала и называла его живым воплощением поэзии. Она говорила, что, несмотря на то, что Гумилёв был ей очень важен, ведь он был ее учителем, все ее мысли долгое время занимал Блок. Здесь она увидела его в первый раз. Она пришла встретиться Гумилёва после его лекции. У них с Николаем Степановичем было принято, что они встречаются друг друга и провожают до дома, обмениваясь мыслями в это время. Но в тот день она вдруг увидела, что мэтр спускается по лестнице не один, а вместе с каким-то незнакомым ей человеком в шляпе. Одоевцева решила, что это профессор, о котором говорил ей Гумилёв, что он хвалил ее «Балладу о толченом стекле». Подумав так, Одоевцева смело к нему подошла и протянула руку. И только после этого, подняв на него взгляд, поняла, что это никакой не профессор, а Александр Блок. Она сильно растерялась и не знала, куда ей деть руку, хотела провалиться от стыда и исчезнуть в тот же миг. Пока она стояла в растерянности, Блок просто улыбнулся и пожал ей руку. Тогда Гумилёв спросил: «Вы что, не знакомы?» [1, с. 266] На что Блок ответил, что нет, они не знакомы. Гумилёв сказал, что вот, это Ирина Одоевцева, его ученица, она написала «Балладу о толченом стекле». Блок ответил, что баллады не читал, но слышал о ней и хотел бы, чтобы Одоевцева как-нибудь пришла к нему и прочла ее.

Гумилёв потом сказал, что Блок говорил это только ради приличия и что на самом деле он не любит читать стихи учеников. Но все равно этот момент был для Ирины Владимировны очень важен, если судить по тому, как живо и трепетно она о нем пишет.

Несмотря на все сложности и ужасы времени, поэты могли радоваться жизни, обмени-

ваться своим творчеством, что-то делать и делать это с радостью, любовью и надеждой. Ходасевич написал об этом замечательное стихотворение «Душа поет, поет, поет», где он говорит, как сложно человеку жить, но нельзя думать только о том, как тяжело, как холодно и голодно – есть что-то высшее, что важнее всего этого.

Дом Мурузи (Литейный проспект, 24 / ул. Пестеля, 27). Дом был построен в 1874–1877 годах по проекту архитектора А. К. Серебрякова при участии П. И. Шестова для князя Александра Дмитриевича Мурузи (1807–1880), по имени которого он и получил впоследствии название. Это важное место на литературной карте Петербурга. Больше двадцати лет здесь жили Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус. Впоследствии здесь находилась общедоступная читальня, которую содержала бабка поэта и переводчика Владимира Пяста, близкого друга Александра Блока.

Летом 1919 года здесь была открыта Литературная студия, организованная Гумилёвым. Одоевцева описывает это так: «Литературная студия помещалась в бывшей квартире банкира Гандельблата. Подъезд дома Мурузи был отделан в мавританском стиле «под роскошную турецкую баню», по определению студистов. В квартире банкира Гандельблата было много пышно и дорого обставленных комнат. Был в нем и концертный зал с эстрадой и металлической мебелью, крытой желтым штофом. В первый же день Гумилёв на восхищенное восклицание одной студистки, ошупавшей стул «Да весь он из серебра. Из чистого серебра!» ответил тоном знатока: «Ошибаетесь. Не из серебра, а из золота. Из посеребренного золота. Для скромности. Под стать нам. Ведь мы тоже из золота. Только для скромности снаружи высеребрены» [1, с. 40].

Несмотря на то, что Николай Степанович сильно изменился с момента преподавания в Институте Живого Слова – стал мягче и снисходительнее – Литературная студия стала постепенно терять своих слушателей. «Но Гумилёв, сохраняя олимпийское величие, оглядывал редющие ряды своих слушателей: «Я очень рад, что никчемный элемент отпадает сам собой. Много званных, мало избранных?» – и он поднимал, как бы призывая небо в свидетели, свою узкую руку» [1, с. 40].

Намного позже по инициативе Николая Степановича здесь организуется Дом Поэтов.

«Дом Поэтов своего рода клуб, – пишет Одоевцева, – почти ежевечерне переполняемый публи-

кой. Гумилёв всем заведует и все устраивает сам. Он душа, сердце и ум Дома Поэтов. Он занимается им со страстью и гордится им» [1, с. 421].

Гумилёв хотел сделать из Дома Поэтов нечто небывалое. Кроме чтения стихов, также здесь разыгрывались «сценические действия», сочиненные поэтами.

Дом матери Марии (Е. Ю. Кузьминой-Караваевой) (Манежный пер., 2).

На этом доме мы видим мемориальную табличку. Личность, чье имя написано на табличке, очень важна для понимания Серебряного века.

В этом доме жила Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева, она же Елизавета Пиленко, Скобцова, она же – мать Мария. Её первый муж – Дмитрий Владимирович Кузьмин-Караваев был юристом, но интересовался поэзией и входил в первый «Цех поэтов», который существовал с 1911 по 1914 годы. Юная Лиза Пиленко тоже писала стихи. Она была очень близка с Блоком, дружила с ним. Можно считать, что он был её учителем – не настолько близким, как Гумилёв для Одоевцевой, но всегда помогал ей, когда она отсылала ему свои рукописи, они вели очень насыщенную переписку.

Лиза Пиленко была знакома с молодым Гумилёвым, когда он был еще студентом университета. «Он читает ей стихи и как бы шутливо за ней ухаживает; уже тогда за ним закрепилась роль «рокового обольстителя». Пройдет несколько лет, и он «перепосвятит» ей свое стихотворение «Это было не раз...», написанное ранее для А. Горенко (Ахматовой). «Это было не раз, это будет не раз В нашей битве глухой и упорной: Как всегда, от меня ты теперь отрелась, Завтра, знаю, вернешься покорной». Его мимолетное увлечение Лизой можно отнести к зиме 1908–1909 гг. Со временем между двумя поэтессами, Анной и Елизаветой, установились довольно натянутые отношения. Гумилёв же сохранил по отношению к Лизе Пиленко самые добрые чувства» [2, с. 80].

Дом Корнея Чуковского (Манежный пер., 6). Как нам говорит мемориальная доска, с 1919 по 1938 годы здесь жил поэт, писатель, критик, литературовед Корней Иванович Чуковский. Ирина Одоевцева посещала его лекции в Институте Живого Слова и в Доме Искусств. Об одной из таких лекций она пишет в своей книге:

«Сегодня вторник, 3 мая. Я на публичной лекции Чуковского «Вторая жена». О Панаевой. Зал набит. Чуковский, как всегда на публичных своих выступлениях, гораздо менее блестящ, чем в Студии. Он читает по тетрадке, не глядя на слуша-

телей. И от этого многое теряется. И все-таки очень интересно. Ему много хлопают. Он кончил. Он встает. К нему, как всегда, подбегает толпа студистов и молодых поклонников. Он идет по коридору. Они бегут за ним. Он выше всех, его видно в толпе. Он что-то говорит, жестикулируя и спрутообразно извиваясь. И вдруг останавливается и, повернув, идет решительно прямо на меня. Публика расступается. Вокруг него и меня образуется пустое место. Чуковский кланяется, как всегда «сгибаясь пополам». Этот поклон предназначен мне. И все видят.

– Одоевцева, я в восторге от вашей баллады! – говорит он очень громко. И все слышат. Нет, может быть, он произносит другие слова – от волнения я плохо слышу. Но смысл их – восхищение моей балладой.

– Я очень прошу вас записать «Толченное стекло» в «Чукоккалу». Обещаете?

Я ничего не обещаю. У меня для обещания нет голоса. Я даже кивнуть не могу.

Но ведь его «обещаете» – только цветок риторического красноречия, поднесенный им мне. «Чукоккала» – святая святых, тетрадь в черном кожаном переплете. Только знаменитости удостоиваются чести писать в ней» [1, с. 132].

Но «Баллада о толченом стекле» все же попала в Чукоккалу, и после этого Одоевцеву начали признавать в литературном обществе. Это было очень важно для нее, потому что она сама начала считать себя настоящей поэтессой, а не просто ученицей Гумилёва.

Дом Литераторов (ул. Некрасова, 11). Вот мы и пришли к Дому Литераторов. С этим Домом связана огромная часть русской истории и культуры. То, что здесь происходило, очень сильно повлияло на поэтов и писателей Серебряного века, в том числе и на Николая Гумилёва и Ирину Одоевцеву. Одним из главных таких событий стали февральские Пушкинские вечера 1921 года. Об этом событии сегодня почти никто не помнит, между тем оно оказало колоссальное влияние на судьбы участвовавших в нем людей, стало кульминацией очень многих жизненных историй.

В музее Ахматовой в Фонтанном доме хранится экспонат, который связан с этим событием и этими судьбами, – это подписные листы, где большинство участников вечера оставили свои автографы. Удивляет обилие подписей и состав участников – возникает впечатление, что 11 февраля в Доме литераторов собрался весь мыслящий Петроград. Когда смотришь на эти листы, ужасно интересно понять, почему именно в этот

день именно в этом месте собрались все эти люди. 84-ая годовщина со дня смерти Пушкина – зачем это вообще праздновать? Что их туда привело? И что заставило очень многих вспоминать с особым трепетом именно об этом вечере спустя десять, пятнадцать, а некоторые и сорок лет.

Дом Ирины Одоевцевой (ул. Некрасова, 60). Мы находимся на улице Некрасова, возле дома номер 60. Раньше эта улица называлась Бассейной, тут и жила Ирина Одоевцева. Когда она поселилась в этом доме, они с семьёй занимали большую, восьмикомнатную квартиру. Этот серый дом даже удостоился чести быть героем одной из баллад Одоевцевой, которая входила в сборник «Двор чудес».

Как писала Одоевцева, жить в этом огромном доме было очень страшно и тревожно. В ту пору было много грабежей. Но, тем не менее, на шестом этаже дома проходили собрания, а на мансардном этаже – даже танцы.

Этот дом выстроен как закрытый комплекс. Как пишет Одоевцева, на улице Бассейной красноармейцы выдавали грязный сахар, мокрый хлеб. А внутри дворы, как независимое пространство. В этих дворах, как по бульварам, гуляли жильцы, спасаясь от внешнего мира (террора, ужаса, который царил на улицах Петербурга). Но искусство побеждало, в то время оно спасало людей от голода, холода, от тревоги. Была поэзия, музыка, театр. И ничто не мешало проводить поэтические собрания и литературные вечера. Жильцы дома активно пользовались вот этим внутренним закрытым пространством, которое оберегало их от внешнего мира: когда по улице ходили вооруженные отряды, внутри у них был свой мир, спокойный и тихий.

Неподалеку отсюда живет и Гумилёв. Они с Одоевцевой часто возвращались вместе из Дома Литераторов или с других прогулок. Они доходили до перекрестка, и Одоевцева шла дальше, а Гумилёв поворачивал и шел к себе домой, а иногда провожал ее.

Вот мы зашли во внутренний мир этого дома. Можем представить себе, как тут ходила Одоевцева. Точно неизвестно, где именно был ее подъезд.

Можно заметить, что маршруты, по которым она ходила, разбросаны по всему Петербургу. Она, видимо, хорошо знала Петербург и любила его дома. И действительно, как будто, каждый дом ее знает, и она знает их.

(В этом месте мы смотрим фрагменты из будущего мультфильма по книге «На берегах Невы» и делаем общую фотографию участников экскурсии с Одоевцевой).

Невидимая Греческая церковь (Концертный зал «Октябрьский») (Лиговский проспект, 6). Мы пришли сюда от дома Ирины Одоевцевой.

Церковь Святого Великомученика Димитрия Солунского при греческом посольстве дала название соседней площади и проспекту. Закладка храма состоялась в 1861 году. Во время Великой отечественной войны в храм попала немецкая бомба, которая, пробив главный купол, осталась лежать на мраморном полу, чудом не взорвавшись. Полуразрушенный храм простоял до 62-го года, а потом был снесен как не представляющий художественной ценности. Концертный зал «Октябрьский», стоящий теперь на этом месте, построен к пятидесятилетию советской власти. Облик здания символизировал отказ от петербургской архитектурной классической традиции.

Мы уже говорили об эпизоде, когда Одоевцева и Гумилёв служили панихиду по Лермонтову. Они служили её в Знаменской церкви, которая находилась на Знаменской площади (теперь – площадь Восстания). И вела к ней улица Восстания, ранее Знаменская улица. Церковь стояла на площади, была очень большая, красивая... В какой-то момент, так же, как и Греческая церковь, она была снесена, взорвана, от нее ничего не осталось. Вместо церкви теперь вестибюль метро.

Да и сам по себе эпизод панихиды – о памяти, памяти о любимом поэте. Память и возможность её сохранить – отличительная черта Ирины Одоевцевой и её творчества. Память о пространстве и о людях, которые в нём существовали, Ирина Владимировна запечатлела в своих мемуарах.

Дом Николая Гумилёва (ул. Радищева 5). Вот и дом Гумилёва. Там, на дальнем перекрёстке с Бассейной, а теперь Некрасова они расставались с Одоевцевой, и Одоевцева шла дальше по Бассейной к шестидесятому дому, а Гумилёв шёл по Преображенской (сейчас Радищева) до этого пятого дома. Обратите внимание – тут висит табличка, что вот, «Здесь жил Николай Гумилёв».

Ни на ДOME Литераторов, ни на доме Одоевцевой никакой таблички, к сожалению, нет.

Именно сюда приходила Одоевцева, чтобы прочитать Гумилёву свои стихи, просто его увидеть, просто с ним поговорить. Я расскажу про один из ее приходов сюда. Была зима, и Одоевцева возвращалась к себе домой, но, как она сама пишет, какая-то неведомая сила потянула ее к дому Гумилёва и, сама не зная почему, она решила заглянуть к нему [1, с. 97]. У нее есть стихотворение «Поэт», где она описывает место, в котором жил Гумилёв.

Но на самом деле, когда Одоевцева пришла к Гумилёву в эту зиму, он курил папиросу не у окна, а у камина. Когда она пришла, он к ней обернулся и сказал, что ждал её, знал, что она придет. Ему сегодня было грустно, и он очень хотел её увидеть. Он сидел у камина и мысленно звал Одоевцеву. И видимо, она это почувствовала и против своей воли пришла к нему. Гумилёв начал говорить ей про свои переживания, делиться этим с ней. Говорил, что в последнее время часто, особенно ночью, он думает про смерть и про то, как она неизбежна. И он сказал, что «самонадеянно мечтает о том, что: «Умру я не на постели / При нотариусе и враче».

Выводы. Ещё один важный разговор произошёл между Гумилёвым и Одоевцевой в этот вечер. Они пообещали друг другу, что кто первый из них умрёт, тот и явится другому: Гумилёв Одоевцевой или наоборот, и расскажет, как ему Там. Но, как пишет Одоевцева, учитель не сдержал своего обещания. Этот момент важен, потому что он раскрывает духовную связь между Гумилёвым и Одоевцевой, показывает, насколько сильной была эта связь. Одоевцева так сопереживала Гумилёву, что смогла через свою книгу «На берегах Невы» передать это сочувствие нам. Мы полюбили этот город не сразу, а благодаря поэтам, которые жили здесь и о которых мы узнали из книги «На Берегах Невы».

Список литературы:

1. Одоевцева И. В. На берегах Невы. СПб., 2014.
2. Кривошеина К. И. Мать Мария (Скобцова) Святая наших дней. М.: Эксмо, 2015.

**ГУМІЛЬОВ ТА ОДОЄВЦЕВА В ПЕТЕРБУРЗІ
(ЗА МАРШРУТАМИ З КНИГИ І. ОДОЄВЦЕВОЇ «НА БЕРЕГАХ НЕВИ»)**

У статті подається «сценарій» однієї з екскурсій для городян по книзі І. Одоєвцевої «На берегах Неви».

Ключові слова: екскурсія, Микола Гумільов, Ірина Одоєвцева.

**GUMILEV AND ODOEVTSEV IN ST. PETERSBURG (ALONG THE ROUTES FROM I.
ODOEVTSEVA'S BOOK "ON THE BANKS OF THE NEVA")**

The article is presented with a "script" of one of the excursions for the townspeople according to I. Odoevtseva's book "On the banks of the Neva".

Key words: excursion, Nikolai Gumilyov, Irina Odoyevtseva.